

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-4
P52

M. L. Rio
If We Were Villains

*Печатается с разрешения литературных агентств
Dunow, Carlson & Lerne и Andrew Numberg*

В оформлении издания использованы материалы по
лицензии ©shutterstock.com
© Design by Julia Lloyd

Рио, М. Л.

P52 Если бы мы были злодеями: [роман] / М. Л. Рио;
пер. с англ. Н.А. Болдырева. – Москва: Издательство
АСТ, 2020 – 480 с.

ISBN 978-5-17-127231-9

В день, когда Оливер выходит из тюрьмы, его уже ожидают. Детектив Колборн хочет знать правду, и спустя десять лет Оливер готов ее открыть.

В то время он был одним из семи студентов-шекспироведов в академии Деллехера, в месте, где царит дух извращенных амбиций и нечеловеческой конкуренции. В этом уединенном мире горящих каминов и книг в кожаных обложках Оливер и его друзья играют роли не только на сцене, но и за ее пределами: герой, злодей, тиран, соблазнительница, инженер и массовка.

Однако на финальном году обучения здоровое соперничество перерастает в кровавое. Вечер одного спектакля переворачивает жизнь молодых актеров с ног на голову. Наутро каждому из студентов предстоит взглянуть в лицо своей личной трагедии и сыграть главную роль своей жизни: убедить в невиновности полицию, друг друга и самих себя.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-4

Copyright © 2017 by M.L.Rio
© Н.А. Болдырева, перевод на русский
язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-127231-9

АКТ I

ПРОЛОГ

Я сижу, прикованный наручниками к столу, и думаю:

*«Мне права не дано
Разоблачать перед тобою тайны
Тюрьмы моей; но если б мог я только
Поведать их — я растерзал бы дух твой!..
От ужаса твоя застыла б кровь!..
На голове, как иглы дикобраза
Твои б поднялись волосы, глаза же,
Сверкнув как звезды, вышли б из орбит!»¹*

Охранник стоит у двери, наблюдая за мной, как будто ожидает чего-то.

Входит Джозеф Колборн. Он начал сидеть, ему почти пятьдесят, хотя я по-прежнему воспринимаю его как мужчину, которому за сорок. Удивительно каждые две недели наблюдать, как он постарел. И он стареет по чуть-чуть таким вот образом в течение десяти лет. Он

¹ Вильям Шекспир. «Гамлет, принц Датский» (Пер. А. Соколовского).

садится напротив меня, скрещивает руки на груди и говорит:

— Оливер.

— Джо.

— Что ж, слушание по условно-досрочному прошло в твою пользу. Поздравляю.

— Я бы сказал «спасибо», если бы верил, что ты это всерьез.

Он отвечает натянутой тонкогубой улыбкой.

— Кстати, я не считаю, что ты должен здесь находиться.

— Но это вовсе не означает, что ты считаешь меня невиновным.

— Верно. — Он вздыхает и устало, как будто я утомляю его, смотрит на свои часы — те же самые, что он носил, когда мы познакомились.

— А зачем ты тут? — спрашиваю я. — Ужель по той же дежурной причине?

Его брови превращаются в ровную черную линию.

— Надо, мать его, говорить «неужели».

— Можно забрать парня из театра.. или что-то вроде того, но...

Он фыркает — удивленно и одновременно раздраженно.

— Да, я полагаю.

— Ну? — спрашиваю я.

— Что ну?

— *«Глядишь ты так печально! Если ты*

Пришла с дурною вестью — все же мне

*Скажи ее с улыбкой!»*¹ — отвечаю я.

И, решившись наконец заслужить его раздражение, добавляю:

¹ Вильям Шекспир. «Ромео и Джульетта» (Пер. А. Соколовского).

— Зачем ты тут? Ты должен был понять, что я ничего тебе не расскажу.

— Вообще-то, — возражает он, — по-моему, сейчас мне удастся заставить тебя передумать.

Я выпрямляюсь на стуле.

— Выкладывай.

— Я ухожу со службы. Продался, принял приглашение поработать в частной охране. Нужно думать об образовании детей.

Какое-то мгновение я просто молча пялюсь на него. Мне всегда казалось, что Колборна скорее убьют как старого свирепого пса, чем что он покинет кабинет шефа полиции.

— Интересно, — говорю я. — И как это должно меня убедить?

— Все, что ты скажешь мне после того, как выйдешь, будет сохранено в тайне.

— Тогда зачем беспокоиться?

Он снова вздыхает, на сей раз тяжело, и морщины на его лице становятся глубже.

— Оливер, меня больше не волнует твое наказание... Кто-то справедливо отбыл срок, а нам в нашей работе редко выпадает удача удовлетвориться хотя бы этим. Но я не хочу уйти на покой и последующие годы своей жизни провести, гадая, что в действительности случилось десять лет тому назад.

Сперва я помалкиваю. Мне нравится сама идея, но я ей не доверяю. Я оглядываюсь на серо-коричневые шлакоблоки, на крошечные черные видеокамеры, глядящие из каждого угла, на охранника с выпяченной нижней челюстью. Я закрываю глаза, глубоко вздыхаю и представляю себе свежесть весеннего Иллинойса. Каково это — выйти на улицу после того, как треть жизни ты задышался в затхлой тюремной камере?

На выдохе я открываю глаза и обнаруживаю, что Колборн внимательно наблюдает за мной.

— Я не знаю, Джо, — говорю я. — Я выберусь отсюда... так или иначе. И я не хочу возвращаться. Думаю, лучше не будить спящую собаку.

Он жуёт нижнюю губу, пальцы беспокойно барабалят по столу.

Я хмурюсь в ответ.

— Почему для тебя это так важно?

Пальцы замирают.

— Скажи мне кое-что, Оливер, — спрашивает он, — ты когда-нибудь лежишь на койке в своей камере и тарачишься в потолок? Наверное, в такие моменты ты спрашиваешь себя, как ты попал сюда, и не можешь уснуть, потому что все время прокручиваешь в голове тот самый день?

— По ночам такое происходит со мной постоянно, — соглашаюсь я без иронии. — Но есть разница, Джо. Для тебя это был просто-напросто один день, а затем жизнь снова потекла как обычно. Но для нас это был один особенный день, а потом на нас навалились все остальные дни, которые последовали за ним. — Я наклоняюсь вперед, опираясь на локти, и мое лицо оказывается в нескольких дюймах от его: теперь он слышит каждое мое слово, даже когда я говорю тише. — Пожалуй, твое неведение пожирает тебя живо. Ты не знаешь — кто, не знаешь — как, не знаешь — почему. Но ведь ты и не знал его. Не чувствовал, как он притаился в комнате... как он преследует тебя, стоит над кроватью, пока ты спишь, повторяя: *«Залягу в грудь тебе свинцом тяжелым поутру я!»*¹

¹ Вильям Шекспир. «Ричард III» (Пер. А. Соколовского).

Он щурится, но я замечаю, что в его глазах появляется какое-то странное отвращение, как будто в мгновение ока я стал невыразимо уродлив и ужасен.

— А ты хранил чужие секреты, — говорит он. — Нормального человека это сведет с ума. Зачем ты поступал таким образом?

— Потому что хотел.

— И до сих пор хочешь?

У меня пересыхает во рту. Я облизываю губы и откидываюсь назад, отводя взгляд. Охранник бесстрастно наблюдает за нами, словно мы двое общаемся на чужом для него языке и наш разговор далек и незначителен.

Я думаю о них. Об остальных. О нас. Мы совершили дурные поступки, но они тоже были необходимы... или же так нам просто казалось. Как и в любой другой трагедии, роковой финал был неизбежен. Смогу ли я хоть что-то объяснить Колборну: и незначительные повороты, и предначертанный исход? Я изучаю его бесстрастное открытое лицо, серые глаза, окаймленные птичьими лапками морщин, но, как всегда, ясные и яркие. Сердцу становится тесно в груди. Тайны тяжелы, как свинец, и, глядя на Колборна, я понимаю, что устал нести больше, чем мне причитается, в одиночку.

— Ладно, — говорю я. Горло сжимается, голос деревенеет. — Когда я выйду отсюда, расскажу тебе. Но прежде ты должен понять кое-что.

Он неподвижен.

— Итак, Оливер...

— Первое, это просто история. Верь в нее, если хочешь. Второе, то, что ты услышишь, не должно отразиться ни на мне, ни на ком другом. Никакого повторного риска. И последнее — это не оправдание.

Я жду от него ответа: кивка или слова, — но он лишь моргает, молчаливый и стойкий, как сфинкс.

— Ну, Джо? — спрашиваю я. — Сможешь жить с тем, что я сейчас расскажу?

Он одаривает меня холодной улыбкой.

— Да, думаю, смогу.

СЦЕНА 1

Время действия: сентябрь, 1997 год — мой четвертый и последний год в классическом художественном училище Деллехера. Место действия: Бродуотер, Иллинойс, маленький городок, почти не имеющий значения.

Пока еще стоит теплая осень.

Появляются актеры.

Тогда нас было семеро: яркие, молодые дарования с большим будущим, которое ожидало каждого из нас. И в ту ночь мы не видели перед собой ничего, кроме книг. Мы всегда были окружены словами и поэзией: все яростные страсти мира были заключены в кожу и пергамент. Вот на что я отчасти возлагаю вину за произошедшее. Наши собственные интриги и ошибки по сравнению с этим казались незначительными.

Библиотека Замка представляла собой просторную восьмиугольную комнату со стеллажами по периметру. Она была заставлена роскошной старинной мебелью, в ней царило сонное тепло, поддерживаемое монументальным камином, который горел почти непрерывно, невзирая на довольно-таки высокую температуру на улице.

Итак, каминные часы пробили двенадцать. Мы зашевелились, один за другим, будто семь оживших статуй.

— *«Теперь глухая полночь»*¹, — сказал Ричард.

¹ Вильям Шекспир. «Гамлет» (Пер. А. Соколовского).

Он сидел в самом большом кресле (прямо как на троне), скрестив ноги и закинув их на решетку камина. Целых три года он играл исключительно королей и тиранов, что научило его восседать вот так на всяком стуле, будь то на сцене или где-то за ее пределами.

— Завтра к восьми часам мы станем бессмертными, — добавил он (на следующий день у нас намечались пробы) и захлопнул книгу так резко, что в воздух взвилось облачко пыли.

Мерedit по-кошачьи свернулась на одном конце дивана — а я улегся, как пес, на другом — и потянулась с тихим, наводящим на размышления стоном.

— Куда собираешься? — Она лениво перекатилась на бок, и ее длинные рыжеватые волосы рассыпались по подлокотнику.

— *«Усталый от трудов, спешу я на постель»*¹. — Ричард.

— Избавь нас. — Филиппа.

— Раннее утро и все такое. — Ричард.

— Можно подумать, ему есть до этого дело. — Александр.

Рен, устроившись на подушке и не обращая внимания на перепалку, спросила:

— Вы вообще-то выбрали себе по фрагменту? Я что-то не могу определиться.

— Как насчет Изабеллы? — спросил я. — Твоя Изабелла прекрасна.

— «Мера» — комедия, дурак, — ответила Мерedit. — У нас пробы на «Цезаря».

— А я не понимаю, зачем нам пробы? — донесся из противоположной и самой сумрачной части библиотеки голос Александра.

¹ Вильям Шекспир. «Сонет 27» (Пер. Н. Гербеля).

И Александр, сидевший за тяжелым дубовым столом, потянулся за бутылкой виски «Гленфиддик». Открыл ее, наполнил пустой бокал алкоголем, сделал большой глоток и поморщился, глядя на нас.

— Я могу раскидать все роли чертовой пьесы здесь и сейчас. Завтрашние пробы ничего не изменят.

— Чуть собачья, — заявил я. — Я никогда не могу угадать, какая роль мне достанется.

Ричард лукаво усмехнулся и перевел на меня взгляд своих черных глаз.

— Это потому, что тебе роли назначают в последнюю очередь — впрочем, как всем отбросам.

— Тсс! — Мередит одарила Ричарда озорной улыбкой. — Ты сегодня Ричард или последний урод?

— Не слушай его, Оливер, — тихо произнес Джеймс.

Он сидел в дальнем углу, нехотя поднимая взгляд от блокнота. Джеймс всегда был самым серьезным студентом на нашем курсе.

— Вот, — заявил Александр, отсчитывая на столе десятидолларовые купюры. — Пятьдесят долларов.

— Зачем? — удивилась Мередит. — Хочешь приватный танец?

— Думаешь заняться стриптизом после выпуска?

— Выкуси.

— Попроси вежливо.

— Пятьдесят штук — для чего? — спросил я, желая прервать склоку.

Из нас семерых Мередит и Александр были самыми злыми спорщиками и испытывали извращенную гордость, ругаясь друг с другом. Дай им волю, они будут грызться всю ночь.

Александр постучал пальцем по стопке купюр.

— Ставлю пятьдесят баксов на то, что могу прямо сейчас назвать список актеров и не ошибусь.

Пятеро из нас обменялись серьезными взглядами, тогда как Рен продолжала хмуриться, поглядывая на камин.

— Ладно, давай послушаем, — сказала Филиппа.

Александр выпрямился, откинул с лица непослушные кудри.

— Очевидно, Ричард будет Цезарем.

— Потому что мы втайне мечтаем убить его? — спросил Джеймс, с ухмылкой отрываясь от блокнота.

Александр хохотнул и добавил:

— Разумеется, Джеймс будет Брутом.

Любой из нас мог бы угадать это: Ричард всегда играл императоров, ну а Джеймсу доставались исключительно роли героев.

Ричард вскинул темную бровь.

— И ты, Брут?

— *Sic semper tyrannis*¹, — ответил Джеймс. — Долой тирана.

Александр повел рукой, указав сначала на одного парня, затем на другого.

— Именно, — продолжал он. — А я буду играть Кассия, ведь у меня ампула плохого мальчика. Ричард и Рен не могут быть мужем и женой, поскольку это странно и противоестественно. Получается, что ты, Мередит, будешь Кальпурнией, Рен станет Порцией, а Пип снова придется переодеваться в мужскую одежду.

Филиппа — роль для которой оказалось подобрать сложнее, чем для Мередит, соблазнительницы, или Рен, инженерю, — была вынуждена выступать на подмостках в ампула трагедии, причем всякий раз, когда у нас заканчивались кандидаты на соответствующие роли. Что ж,

¹ «Так всегда тиранам» (*лат.* крылатая фраза, сокращение от «Так всегда приношу смерть тиранам»).

обычная ситуация в шекспировском театре, где подавляющее большинство лучших ролей предназначено представителям «сильного пола», а основная часть талантливых актеров — женщины. Я считал, что вот оно — очередное свидетельство того, что Филиппа играет убедительно (вне зависимости от того, чья ей досталась роль), но она, похоже, не была с этим согласна.

— Убейте меня, — сказала Филиппа с лицом настолько бесстрастным, что невозможно было понять, шутит она или нет.

— Погодите, — начал я, не желая подтверждать гипотезу Ричарда о том, что в процессе распределения ролей мне всегда перепали остатки, однако мучаясь от любопытства. — А как же я?

Александр прищурился, прикусив кончик языка, и принялся внимательно меня разглядывать.

— Возможно, Октавий. Тебе не дадут роль Антония... не обижайся, но ты не слишком видный. Антонием будет тот невыносимый третьекурсник. Как там бишь его?

— Ричард Второй? — предположила Филиппа.

— Très amusant¹, — фыркнул Ричард. — Нет, Колин Хиланд.

— Потрясающе! — Я безнадежно уткнулся носом в листы бумаги с репликами Перикла, которые просматривал, кажется, уже в сотый раз.

Я лишь вполотину талантлив по сравнению с ними и потому обречен играть второстепенные роли в чужих историях. Часто я задавался вопросом, имитирует ли искусство жизнь или дело обстоит с точностью до наоборот.

Александр кинул деньги на стол.

¹ Очень смешно (франц.).

— Пятьдесят баксов! — провозгласил он. — На только что озвученный список.

— Включая Колина в роли Антония? — Мередит.

— Да, включая Колина в роли Антония. Принимаешь? — Александр.

— Нет. — Мередит.

— Почему — нет? — Я.

— Потому что именно так все и будет. — Мередит.

Ричард издал горловой смешок.

— Остается только надеяться. — Он направился к двери и по пути наклонился, чтобы ущипнуть Джеймса за щеку.

«...Почий

Сном вечным, милый принц!»¹

Джеймс отбросил его руку, шлепнув по ней блоком, а после этой импровизации вновь спрятался за своим бумажным укрытием. Мередит эхом повторила смех Ричарда и добавила:

— *«Ведь ты самый горячий из глупцов, какие только сыщутся в Италии»².*

— *«Чума на оба ваших дома»³,* — пробормотал Джеймс.

Мередит вновь потянулась и, улыбнувшись, вскочила с дивана.

— Идешь спать? — спросил Ричард.

— Ну... после слов Александра все стало довольно бессмысленным.

Мередит не взяла ни свои книги, ни бумаги, которые были разбросаны на низком столике перед камином, оставив там же и пустой винный бокал с зацепившимся за край полумесяцем помады на ободке.

¹ Вильям Шекспир. «Гамлет, принц Датский» (Пер. А. Соколовского).

² Там же.

³ Вильям Шекспир. «Ромео и Джульетта» (Пер. А. Григорьева).

— Спокойной ночи, детишки! — произнесла она. — Счастливо! — Она нагнала Ричарда у арки, ведущей в коридор, и первой покинула библиотеку.

Ричард подмигнул мне и лениво последовал за ней, чтобы любоваться ее задом на некотором расстоянии.

Я вздохнул и потер глаза, начавшие слезиться и зудеть от попыток читать в течение нескольких часов. Рен отшвырнула книгу — та с глухим стуком приземлилась рядом со мной на диван.

— К черту! — Рен.

— Вот это да! — Александр.

— Я просто прочту что-нибудь из Изабеллы. — Рен.

— Просто иди спать. — Филиппа.

Рен встала и покачала головой.

— Вероятно, буду лежать без сна до рассвета, вспоминая реплики.

— Не хочешь покурить? — Александр допил виски и принялся катать косяк по столу. — Поможет расслабиться.

Она слабо улыбнулась.

— Нет, спасибо, — ответила она и направилась к выходу. — Спокойной ночи.

— Ладно. — Александр отодвинул стул и повернулся ко мне: косяк свисал из уголка его рта. — Оливер?

— Если я покурю с тобой, завтра точно лишусь голоса.

— Пиппа?

Она нацепила очки на макушку и прокашлялась, проверяя горло.

— Хорошо, — сказала она. — Только после тебя.

Александр кивнул уже на полпути из комнаты, спрятав руки глубоко в карманы. Она последовала за ним, и я с легкой завистью проводил ее взглядом. Затем я откинулся на подлокотник дивана и попытался со-